

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(497)“18/20”

КРИТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: 1914–1921 / СОСТ. Э. АКТОН, У. Г. РОЗЕНБЕРГ, В. Ю. ЧЕРНЯЕВ. СПБ.: «НЕСТОР-ИСТОРИЯ», 2014. 798 С. ТИРАЖ 1000 ЭКЗ.

Т. Г. Леонтьева

Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории,
г. Тверь, Россия

Автор анализирует содержание «Критического словаря Русской революции», впервые вышедшего в Великобритании и США ещё в 1997 г. Его авторами выступили несколько десятков западных и российских авторов. Несмотря на то, что авторы далеко не во всем соглашаются друг с другом, их статьи сложились в целостную картину революции и Гражданской войны, которая выгодно выделяется на фоне большинства нынешних российских работ. Авторы показали, что при всей своей внешней хаотичности Русская революция – закономерный процесс распада и последующего восстановления традиционной авторитарной власти. Причины этого явления – не столько в действиях политиков, сколько в политической культуре масс, агрессивно деформированной коллизиями мировой войны.

Ключевые слова: Русская революция, политические деятели, классы, партии, массовые движения, историография.

Оригинал данного словаря появился в 1997 г.¹ Как отметил во вводной статье В. Ю. Черняев (СПб.), идея его создания возникла ещё в 1993 г., причем авторов объединяло стремление «не судить, а понять прошлое, найти и показать так часто ускользающую истину» (с. 17–18). Думается, что в целом это удалось. Словарь заслужил довольно лестные оценки в советологических изданиях, хотя было указано и на некоторые пробелы. Настоящий вариант содержит еще два новых текста.

---

¹ Critical Companion to the Revolution: 1914 – 1921 / ed. by E. Acton, V. Yu. Cherniaev, W. G. Rosenberg. London: Arnold, 1997, 2001 (paperback). 782 + XVI pp.

В 67 статьях словаря представлены взгляды на революцию 1917 г. 40 зарубежных и 8 российских авторов. Хотя большинство иностранных коллег получило в своё время на Западе репутацию «ревизионистов» (за отказ следовать духу «холодной войны»), трудно судить об их реальной конгениальности. Как бы то ни было, получилась достаточно цельная работа. К авторам старой закалки пишущие для словаря историки сохраняют довольно терпимое отношение.

Несомненно, перед составителями и авторами стояла непростая задача, поскольку представления о «заговоре» большевиков остаются довольно живучими. Революция – включая события Февраля и Октября 1917 г. – фигурирует в словаре как

длительный процесс, начало которого связано с Первой мировой войной, а окончание – с введением нэпа. Ко времени появления словаря представление об этом в академических кругах вроде бы утвердилось. Но, как отмечает в предисловии Э. Актона, крушение СССР вызвало на Западе оживление историков консервативных взглядов. В России же обнаружилась ещё более странная напасть: возрождение «причудливых теорий заговоров для объяснения Октября» (с. 29). С другой стороны, поветрие постмодернизма обернулось тем, что новая генерация историков склонна отрицать существование всяких закономерностей истории в пользу «игры случая» (с. 32). Действительно, в настоящее время кризис исторической мысли применительно к данной проблеме налицо. Остаётся только признать проницательность Актона, точно указавшего на его проявления.

Со своей стороны, следуя традиции 1970–1980-х гг., составители и авторы сборника предложили взгляд на революцию не столько «сверху» (соответственно этатистской традиции), сколько «снизу» (т. е. по канонам социальной истории). Приходится признать, что такой подход для большинства российских авторов всё ещё кажется необычным. Вместе с тем в работе справочного характера не могло не ощущаться влияние институционального подхода. Достаточно широко представлены в текстах и модные ныне в России гендерные сюжеты.

Издание адресовано не только академической, но и широкой аудитории. Этому соответствует его структура: на первый план выдвинут раздел «Революция как событие» (8

статей). За ним следуют «Исторические деятели» (10), «Партии, движения, идеологии» (7), «История ведомств и культура учреждений» (17), «Социальные группы и вопросы общественного сознания и культуры» (14), «Экономика и проблемы повседневной жизни» (4). Заключительный раздел называется «Национальные движения и областничество» (7).

Как известно, до сих пор в осмыслении событий революции доминирует политический дискурс. У. Розенберг в ввводной статье предлагает нечто качественно иное. В событиях революции он видит «трагедию конкурирующих невозможностей» (с. 48). Её динамику определяло столкновение утопий и соответствующих лозунгов, а не состязание «рациональных» политических доктрин. К вопросу о «деполитизации» истории революции постоянно возвращаются и другие авторы.

Конкретное освещение событий начинается статьей Д. Ливена «Россия, Европа и Первая мировая война». Автор полагает, что затянувшаяся война превратилась в состязание внутренних потенций противостоящих держав. Наименее прочным оказался российский тыл, хотя промышленность империи в 1916 г. «проявила чудеса» (с. 56, 57). В статье о Февральской революции высоко оценивает возможности российского промышленного сектора и Ц. Хасегава. Однако вряд ли положение было столь уж радужным: зависимость России от союзнических поставок неуклонно росла². Впро-

---

² Петров А. Ю. Внешняя торговля // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные

чем, сам автор отмечает недееспособность царской власти, демонстрирующей «чудовищную неумелость, недальновидность, слабонервность, бестолковость», неспособность «согласовать интересы конкурентов в продовольственном снабжении». Всё это было «укоренено в структурной слабости самого режима» (с. 61, 63). Отметим, что некоторые авторы пытаются представить противоположную ситуацию: «К моменту Февральской революции Россия была готова к успешному продолжению военных действий...»³ Всё содержание словаря показывает, что последняя точка зрения сомнительна. П. Гэтрелл показал, что до войны российские промышленные успехи в значительной степени были обусловлены зарубежными инвестициями, внутренний бизнес был «раздроблен», этатизированная индустриализация сопровождалась «бюрократическими подозрениями» (с. 529–530). Всё это не могло не сказаться в 1917 г.

процессы, политический кризис. М., 2014. С. 329–335.

Petrov A. Yu., *Vneshnyaya trgovlya, Rossiya v gody Pervoi mirovoi voyny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis*, М., 2014, S. 329–335.

³ Никонов В. А. Предисловие // Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом: материалы конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М., 2011. С. 7.

Nikonov V. A., *Predislovie, Rossiya i Velikaya voyna. Opyt i perspektivy osmysleniya roli Pervoi mirovoi voyny v Rossii i za rubezhom: materialy konferentsii*. Moskva, 8 dekabrya 2010 g., М., 2011, S. 7.

Как известно, споры о происхождении Февральской революции не утихают. Ц. Хасегава пытается обнаружить руководителей народной стихии. Отсюда, с одной стороны, упоминание об «отчаянной попытке» масонов, с другой – предложение описывать революционную ситуацию в дискурсе «распада государственной власти» (с. 69).

Характерно, что Апрельский кризис (статья З. Галили) представлен как столкновение различных доктринерских представлений о том, в каком направлении должно пойти развитие событий (П. Н. Милукова, с одной стороны, лидеров Петроградского Совета – с другой), с «ощущением обманутого доверия» в массах, уставших от тягот войны (с. 73). При этом решающее значение приобретали настроения солдат, на которых, как отмечает А. Уайлдман в статье о «разложении армии», апрельские события в столице оказали весьма серьёзное влияние. К августу 1917 г. солдаты уже были настроены против любого лидера, вздумавшего призывать к продолжению войны и возвращению к прежним порядкам. Л. Г. Корнилов, таким образом, был заведомо обречён (с. 81, 83). Продолжил эту тему А. Рабинович (статья об Октябрьской революции), отметивший, что «силы стихии, освобождённые Февральской революцией, невозможно было остановить на полпути» (с. 88).

Как известно, советские историки настаивали на том, что после победы большевиков последовало «триумфальное шествие Советской власти», а Гражданская война была спровоцирована силами внешней контрреволюции. И. Модсли считает, что «Гражданская война последовала за Ок-

тябрьской революцией» (с. 98). Стоит отметить, что аналогичное мнение высказывалось ещё в советской историографии⁴, но тогда оно встретило сопротивление, и было попросту забыто. Со своей стороны Д. Фогльсонг отмечает, что понятие иностранной интервенции следует трактовать расширительно, учитывая при этом и идеологическое неприятие большевизма, и шпионаж, и финансовую помощь антибольшевистским силам со стороны союзников (с. 108–109). В завершающей статье раздела (о переходе к нэпу) С. Яров доказывает, что X съезд РКП (б) «имел ключевое значение в процессе стабилизации режима» (с. 125). В целом складывается схема эскалации и последующего истощения революционного хаоса, почти полностью совпадающая с выводами параллельно осуществленного и практически одновременно опубликованного исследования В. П. Булдакова⁵.

В этом контексте основные фигуранты 1917 г. выступают своего рода «функциональными факторами» развёртывания деструктивного процесса. Так, Николай II в изображении Д. Ливена уже к 1915 г. обнаружил «признаки упадка физических и душевных сил» (с. 163). П. Н. Милюков, по мнению Р. Пирсона, был подготовлен

лишь к оппозиционной думской работе, а потому оказался «удивительно неудачлив как политик и государственный деятель» (с. 158). А. Ф. Керенский, оказавшийся в марте 1917 г. в роли «нужного человека на нужном месте», по мнению Б. И. Колоницкого, бесполезно актерствовал, что его и погубило (с. 131–132, 136). Сходным образом провалился лидер эсеров В. М. Чернов, который, как считает М. Мелансон, был лишён «ощущения политической современности» (с. 196). Идеалистичный И. Г. Церетели (статья З. Галили и А. П. Ненарокова), совершенно нереалистично рассчитывающий на коалицию с буржуазией (с. 191) также оказался не у дел. Что касается находящегося на левом фланге меньшевизма Ю. О. Мартова, то его призывы к переходу власти к «демократическому правительству типа Народного фронта», по словам И. Гетцлера, «потонули в боевом кличе большевиков “Вся власть Советам!”» (с. 150). Потерпела неудачу и М. А. Спиридонова, пытавшаяся, как отмечает А. Рабинович, противостоять «прогерманской, антикрестьянской» политике большевиков (с. 168).

На этом фоне Л. Д. Троцкий и В. И. Ленин выглядят выигрышно. Вместе с тем первый из них, по мнению В. Ю. Черняева, со временем разделил судьбу А. Ф. Керенского, также переусердствовав с исполнением своей «исторической роли», чем вызвал недовольство большевистских верхов (с. 177). Заслуженным победителем смотрится только В. И. Ленин – природный самоуверенный лидер, нетерпимый к чужому мнению и не испытывающий сомнений и колебаний. При этом Р. Сервис подчёркивает, что у него была масса предшест-

⁴ См.: Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 – февраль 1918 г. М., 1976.

Polikarpov V. D., *Prolog grazhdanskoi voiny v Rossii. Oktyabr' 1917 – fevral' 1918 g.*, М., 1976.

⁵ См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 334–354.

Buldaikov V. P., *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya*, М., 1997.

венников не только в России, но и в Европе (с. 141, 145).

В 1990-е гг. «перестроечная» историография принялась прославлять белогвардейцев. Между тем, В. Ю. Черняев показал, что противоречия в их верхах ставили под сомнения конечный успех движения (с. 200). Харизматичного противовеса большевистским лидерам так и не нашлось. Это ускорило моральное разложение белогвардейской массы⁶.

Политические партии, по характеристикам, предложенным в словаре, также не выглядят серьёзной альтернативой большевизму. Кадеты представлены У. Розенбергом заведомо проигравшими, для них «вряд ли стал сюрпризом приход большевиков к власти» (с. 217). Эсеры, по мнению М. Мелансона, расплыли и растратили свои силы в местных организациях и внутренних противоречиях (с. 223–224). Левые эсеры, как революционные идеалисты, оказались в принципе непригодными к обладанию властью (с. 237). Меньшевики, по мнению З. Галили и А. П. Ненарокова, оказались на «трагическом распутье»: с одной стороны, им приходилось отстаивать экономические интересы рабочих, с другой – поддерживать курс на сотрудничество с другими социальными силами (с. 250). При этом все партии были далеки от

внутреннего единства. Это относится и к большевикам, которые, как считает Р. Сервис, в 1917 г. отнюдь не были «сплоченной партией» (с. 255). По мнению Р. Даниэлса, «поразительной чертой русской революции была живучесть политического плюрализма внутри победоносной компартии» (с. 264). В общем, вольно или невольно авторы различных статей показывают хаотичный характер событий. В. Ю. Черняев отмечает: большевиков роднило с анархистами убеждение, что «революция вызовет крах капитализма и тормозить её развитие преступно...» (с. 276).

Созданные революцией институты оказались крайне неустойчивыми. Временное правительство (в изображении Г. Уайта), испытывало «трудности из-за внутренних разногласий», доходивших до попыток каждого министра, и даже его заместителей, «проводить собственную политику» (с. 300). Н. Н. Смирнов представляет местный управленческий аппарат к осени 1917 г. как «пёструю мозаику из новых должностных лиц и учреждений и старых органов суда, финансового, административно-хозяйственного и военного аппарата» (с. 332). Советы, под лозунгом всевластья которых Ленин и Троцкий пришли к власти, отнюдь не устраивали большевиков, которые в годы Гражданской войны не случайно подменяли их ревкоммами (с. 431). Неуверенно вели себя и пролетарские организации. Д. Коенкер отметила, что лидеры профсоюзов то и дело осуждали изолированные забастовки, полагая, что следует добиваться «пролетарской солидарности» (с. 399). С. Смит показал, что куда эффективнее в интересах рабочих

---

⁶ *Абинякин Р. М.* Социально-психологический облик и мировоззрение добровольческого офицерства // *Гражданская война в России: события, мнения, оценки.* М., 2002. С. 421.

Abinyakin R. M., Sotsial'no-psikhologicheskii oblik i mirovozzrenie dobrovol'cheskogo ofitserstva, Grazhdanskaya voina v Rossii: sobytiya, mneniya, otsenki, М., 2002, S. 421.

действовали фабзавкомы, поставившие большевикам агрессивных красногвардейцев (с. 445–446).

Самочинная деревенская «общинная демократия», как считает О. Файджес, показала, что представление о «естественном коллективизме» русского народа принадлежит к области славянофильских утопий (с. 347–348). Общинная психология всякий раз брала верх над навязываемыми сверху институтами, включая комбеды и волостные Советы. Лишь к концу 1919 г. на уровне волостных исполкомов «пахари уступили дорогу работникам пера», выдвигаемых большевиками из молодых фронтовиков (с. 352–354).

Авторы словаря уделили значительное внимание проблемам образования (А. Л. Марков), печати (Б. И. Колоницкий), семьи и гендера (Э. Уотерс), православной церкви (М. В. Шкаровский) и даже сектам (Х. Кольман). М. Шкаровский справедливо указал, что 1917 г. православная церковь «встретила в состоянии глубокого внутреннего кризиса» (с. 384) – эта точка зрения подтверждается целым рядом новейших работ⁷. Х. Кольман отметила, что после Февраля старообрядцы и сектанты активно включились в политическую жизнь, однако «политика товарищества между сектантскими объединениями и большевистскими властями, иллюзии

---

⁷ См.: *Рогозний П. Г.* Церковная революция 1917 года. СПб., 2008; *Соколов А. В.* Государство и церковь в России в феврале 1917 – январе 1918 годов. СПб., 2015.

Rogoznyi P. G., *Tserkovnaya revolyutsiya 1917 goda*, SPb., 2008; Sokolov A. V., *Gosudarstvo i tserkov' v Rossii v fevrale 1917 – yanvare 1918 godov*, SPb., 2015.

властей, что религиозный протест выражает политически прогрессивные стремления, закончились одновременно с Гражданской войной» (с. 434, 437).

Из материалов словаря следует, что русская революция носила многомерный, а не упрощённый (как было принято считать) «классово-антогонистический» характер. Особенно это заметно по материалам, посвящённым различным социальным группам: дворянству (Д. Ливен), интеллигенции (Дж. Бурбанк), офицерам (П. Кенез), предпринимателям и даже беженцам (П. Гэтселл). При этом во всех общественных слоях было заметно стремление к уходу от конфликтов. Для С. В. Ярова радикализм рабочих в 1917 г. – миф, так как на производственном уровне прослеживается «своеобразный симбиоз рабочих и предпринимателей, не столько споривших друг с другом, сколько решавших вместе частные проблемы своего предприятия» (с. 546). Главную деструктивную роль (настаивает И. Модсли), сыграли солдаты и матросы (с. 559–560). За их спиной стояла гигантская крестьянская масса, оказывающая на ход революции не столько ситуационное воздействие, сколько скрытое давление. По мнению О. Файджеса, «первые шесть месяцев советской власти стали пиком крестьянского мятежа против воздействия центра» (с. 508). Разумеется, крестьянство не было единым. Как отмечает Ш. О'Рурк, в казачьих областях разрастался конфликт не только между казаками и крестьянами, но и между казаками-фронтовиками и их консервативными отцами (с. 496–497). Эскалация кризиса сказывалась и на поведении

средних городских слоев. Д. Орловский показал их «глубокое отчуждение как от “буржуазии” и её партий, так и от самого Временного правительства» (с. 566).

Несомненно, революция, как следствие и часть всякого системного кризиса, приобрела половозрастное измерение. Анализируя этот процесс, Б. Клеменс справедливо отметила, что в революционную эпоху изучение гендера способно подтолкнуть к исследованию «ценностей, идей и нравов» (с. 480), но, к сожалению, гендерные исследования чаще выступают атрибутом феминистской неуравновешенности.

В разделе об экономике и революционном быте принципиальное значение приобретает замечание У. Розенберга о том, что «радикальные перемены в повседневных социальных отношениях и бытовые процессы... влияли гораздо сильнее революционной политики, и это куда лучше уловила пастернаковская поэзия “Доктора Живаго”, чем экономическая и социальная статистика» (с. 595). Не менее важным выглядит замечание С. Малли о том, что к «военному коммунизму» нельзя подходить как к чисто властному мероприятию большевиков, как это практиковалось ранее⁸. Происхождение его следует искать прежде всего «в проектах и целях его действующих лиц», а последствия связывать с процессом утверждения нерыночной экономики (с. 579, 586). Следует отметить, что аналогичные точки зре-

---

⁸ Гимпельсон Е. Г. Военный коммунизм: политика, практика, идеология. М., 1973.

Gimpel'son E. G., *Voennyi kommunizm: politika, praktika, ideologiya*, М., 1973.

ния высказывались и российскими историками⁹.

Известно, что наиболее «этатизированные» российские авторы склонны персонифицировать «провалы» и «достижения» народного хозяйства в 1914-м и последующих годах, а в конечном счёте обвинять во всём коммунистов. Делается это для того, чтобы более «оптимистично» представить ситуацию в царской России¹⁰. В статьях о голоде 1921 г. (Д. Энгерман), и «Хлебная монополия и трансформация сельского хозяйства» (Л. Т. Ли) читаем, что большевики, обладавшие характерной «смесью идеализма и

---

⁹ См.: Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 40–58; Они же. «Военный коммунизм»: агрессия идеи // Вестник высшей школы. 1990. № 11. С. 58–64; Они же. Диктатура доктрины // Родина. 1992. № 3. С. 74–77.

Buldakov V. P., Kabanov V. V., *«Voennyi kommunizm»: ideologiya i obshchestvennoe razvitie*, Voprosy istorii, 1990, № 3; Buldakov V. P., Kabanov V. V., *«Voennyi kommunizm»: agressiya idei*, Vestnik vysshei shkoly, 1990, № 11; Buldakov V. P., Kabanov V. V., *Diktatura doktriny*, Rodina, 1992, № 3

¹⁰ Куликов С. В. Спор между «оптимистами» и «пессимистами» продолжается... Рец. на сборник статей «Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М., 2014 // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 270, 273, 277.

Kulikov S. V., *Spor mezhdru «optimistami» i «pessimistami» prodolzhaetsya... Retsenziaya na sbornik statei «Rossiya i Pervaya mirovaya voina: ekonomicheskie problemy, obshchestvennye nastroyeniya, mezhdunarodnye otноsheniya*. М., 2014, Peterburgskii istoricheskii zhurnal, 2015, № 1, S. 270, 273, 277.

жестокости, прагматизма и иллюзий» (с. 614), не только не справились с проблемами, которые опрокинули царское правительство, но и усугубили их. Представляется, что революция в империи всё же не может быть одноактным действием.

Удивительно рифмуется с современностью заключительный раздел словаря о «Национальных движениях и областничестве». Действительно, революция в империи приобретает совершенно особые параметры и очертания¹¹. Нельзя не согласиться с мнением Р. Суни о том, что в первый год революции местные национализмы «были относительно слабы», однако рост их был неизбежен, поскольку «и либералы, и социалисты верили в национальное самоопределение на уровне политической теории, но когда нерусские народы выбрали отделение, интересы государства взяли верх над принципом» (с. 622). В этом разделе представлены статьи: «Евреи» (Д. Клиер), «Закавказье» (Р. Суни), «Прибалтика: Эстония и Латвия» (О. Аренс, Э. Эзер-

гайлис), «Сибирь» (Э. Вуд), «Средняя Азия» (М. Б. Олкотт), «Украина» (М. фон Хаген). В целом получается, что большинство «национальных революций» были скорее производными от развала империи, нежели её разрушителями.

К сожалению, лишь немногие авторы словаря к 2014 г. «освежили» свои статьи. Тем не менее публикация не кажется устаревшей. Напротив, на её фоне нынешняя – вновь политизирующаяся – историография революции выглядит анахронизмом.

---

¹¹ См.: Булдаков В. П. Имперство и российская революционность // Отечественная история. 1997. № 1–2 С. 42–60; *Его же*. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45; *Его же*. Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. 2007. № 3 (56). С. 5–27.

Buldaikov V. P., *Imperstvo i rossiiskaya revolyutsionnost'*, Otechestvennaya istoriya, 1997, № 1–2; Buldaikov V. P., *Krizis imperii i revolyutsionnyi natsionalizm nachala XX v. v Rossii*, Voprosy istorii, 2000, № 1; Buldaikov V. P., *Imperiya i smuta: k pereosmysleniyu istorii russkoi revolyutsii*, Rossiya i sovremenniy mir, 2007, № 3 (56).

Список литературы

1. *Абинякин Р. М.* Социально-психологический облик и мировоззрение добровольческого офицерства // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М.: Раритет, 2002. С. 413–437.
2. *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.
3. *Булдаков В. П., Кабанов В. В.* «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 40–58.
4. *Булдаков В. П., Кабанов В. В.* «Военный коммунизм»: агрессия идеи // Вестник высшей школы. 1990. № 11. С. 58–64.
5. *Булдаков В. П., Кабанов В. В.* Диктатура доктрины // Родина. 1992. № 3. С. 74–77.
6. *Булдаков В. П.* Имперство и российская революционность // Отечественная история. 1997. № 1–2. С. 42–60.
7. *Булдаков В. П.* Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45.
8. *Булдаков В. П.* Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. 2007. № 3 (56). С. 5–27.
9. *Гимпельсон Е. Г.* Военный коммунизм: политика, практика, идеология. М.: Наука, 1973.
10. *Куликов С. В.* Спор между «оптимистами» и «пессимистами» продолжается... / рец. на сборник статей «Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М., 2014 // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 259–277.
11. *Никонов В. А.* Предисловие // Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом: материалы конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М., 2011. С. 3–8.
12. *Петров А. Ю.* Внешняя торговля // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: РОССПЭН, 2014. С. 329–335.
13. *Поликарпов В. Д.* Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 – февраль 1918 г. М.: Наука, 1976.
14. *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008.
15. *Соколов А. В.* Государство и православная церковь в России в феврале 1917 – январе 1918 годов. СПб.: Д.А.Р.К., 2015.

CRITICAL DICTIONARY RUSSIAN REVOLUTION: 1914-1921
/ ED. E. ACTON, HS ROSENBERG, VY CHERNYAEV.
PETERSBURG: «NESTOR ISTORIYA», 2014. – 798 S. – 1000 COP-
IES.

T. G. Leontieva

The Tver' State University, The Dept of Russian History, *Tver', Russia*

The author analyzes the content of «Critical Companion to the Revolution 1914–1921» which was first published in the UK and the U.S. in 1997. It was sponsored by several dozen Western and Russian authors. Although the authors do not fully agree with each other, their writings formed the complete picture of the whole revolution and Civil war, which stands out against most of the current Russian works. The authors showed that besides all external chaos the Russian revolution was a natural process of disintegration and the subsequent restoration of the traditional authoritarian rule. The causes of this phenomenon – not so much in the actions of politicians, but mainly in the political culture of the masses, aggressively stimulated by horrors of World War II.

Keywords: Russian revolution, political figures, classes, parties, mass movements, historiography.

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31б), e-mail:kroneko@mail.ru

About the author:

LEONTIEVA Tat'yana Gennad'evna – The Doctor of History, The Professor, The Dept of Russian History, The Tver State University, (Russia, 170100, Tver', Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kroneko@mail.ru

References

Abinyakin R. M., *Sotsial'no-psikhologicheskii oblik i mirovozzrenie dobrovol'cheskogo ofitserstva*, Grazhdanskaya voina v Rossii: sobytiya, mneniya, otsenki, M., 2002.

Buldaikov V. P., *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya*, M., 1997.

Buldaikov V. P., *Imperstvo i rossiiskaya revolyutsionnost'*, Otechestvennaya istoriya, 1997, № 1–2.

Buldaikov V. P., *Krizis imperii i revolyutsionnyi natsionalizm nachala XX v. v Rossii*, Voprosy istorii, 2000, № 1.

Buldaikov V. P., *Imperiya i smuta: k pereosmysleniyu istorii russkoi revolyutsii*, Rossiya i sovremenniy mir, 2007, № 3 (56).

Buldakov V. P., Kabanov V. V., «*Voennyi kommunizm*»: ideologiya i obshchestvennoe razvitiye, Voprosy istorii, 1990, № 3.

Buldakov V. P., Kabanov V. V., «*Voennyi kommunizm*»: agressiya idei, Vestnik vysshei shkoly, 1990, № 11.

Buldakov V. P., Kabanov V. V., *Diktatura doktriny*, Rodina, 1992, № 3.

Kulikov S. V., *Spor mezhdu «optimistami» i «pessimistami» prodolzhaetsya... Retsenziya na sbornik statei «Rossiya i Pervaya mirovaya voina: ekonomicheskie problemy, obshchestvennyye nastroyeniya, mezhdunarodnye otnosheniya. M., 2014, Peterburgskii istoricheskii zhurnal, 2015, № 1.*

Petrov A. Yu., *Vneshnyaya trgovlya, Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis, M., 2014.*

Nikonov V. A., *Predislovie, Rossiya i Velikaya voina. Opyt i perspektivy osmysleniya roli Pervoi mirovoi voiny v Rossii i za rubezhom: materialy konferentsii. Moskva, 8 dekabrya 2010 g., M., 2011.*

Статья поступила в редакцию 26.03.2015 г.